

**Г.Г. ХАЗАГЕРОВ, профессор
Южный федеральный университет**

Контрпродуктивные компетенции

В статье идет речь о том, что для написания квалификационной работы и для адекватного описания результатов научного исследования пригодны разные дискурсивные стратегии и разные компетенции. В результате этого в научном дискурсе возникает дисфункция. Соответствие формальным требованиям отодвигает на второй план решение собственно научных проблем и все чаще камуфлирует научную банальность. Предлагается способ избежать этой дисфункции.

Ключевые слова: диссертационная работа, научный стиль, квалификационные задачи соискателя, дисфункция научного дискурса.

Проблема

Мне уже случалось писать, что, создавая диссертационную работу, соискатель решает две риторические задачи, между которыми возможна рассогласованность – дисфункция [1]. С одной стороны, он формулирует и защищает свою гипотезу (участвует в продуктивной деятельности), с другой – демонстрирует собственную адекватность современному научному дискурсу (сдает экзамен). Ниже будет показано, что решение этих задач требует различных средств, разных дискурсивных стратегий. Это может привести и приводит к тому, что во многих случаях центр тяжести смещается с решения действительно стоящих перед наукой задач на выполнение квалификационных требований, что в пределе дает пустые работы и провоцирует поиск информации в море своеобразного научного спама. По-видимому, тенденция к нарастанию спама носит объективный характер и не определяется полностью научной недобросовестностью диссертанта или диссертационного совета. В самом деле, решение второй задачи («сдача экзамена») имеет развитые институциональные формы и поддерживается научным сообществом, которое, как и всякое сообщество, стремится к дискурсивному комфорту, к существованию в однородной коммуникативной среде. Содержательная же сторона работ, естествен-

но, значительно хуже поддается формализации, при этом научное сообщество реагирует на пустые работы лишь рассеянными санкциями, через репутационные, а не квалификационные категории, не покушаясь на сакраментальную фразу «Диссертация соответствует... а соискатель достоин...» при условии соблюдения формальных соответствий. Постепенно сам научный дискурс дрейфует в сторону воспроизводства этих формальных соответствий, как говорится, в промышленном масштабе. Компетенции, потребные для сдачи экзамена, используются бывшим соискателем уже в самостоятельной научной деятельности при написании статей и монографий, что серьезно сказывается на научном климате.

Многословие как коммуникативная ценность

Краткость считается полезным свойством научного стиля речи. Отступление от нее допускается только ради достижения ясности [2, с. 291]. Это вполне справедливо, если речь идет о решении собственно научных задач. Однако в рамках квалификационных работ полезным коммуникативным качеством речи становится противоположное – многословие. И это тоже естественно. Скажем, диктант, изложение, эссе – классические формы проверки знаний – ограничиваются снизу количеством

слов для достижения определенного уровня: больше слов – больше шансов продемонстрировать грамотность. Требования, предъявляемые к диссертациям, также имеют ограничения на объем снизу, что с точки зрения собственно науки абсолютно лишено релевантности.

Но многословие – это не только объем, достигнутый за счет плеоназмов, это еще и следствие детализации, что также совершенно необходимо в ситуации сдачи экзамена. Вспомним обычное: «Дайте развернутый ответ!» Детализация проявляется главным образом в использовании трех топов, выделенных еще Аристотелем: «род и вид», «пример» и «дефиниция». Каждый из них сам по себе является хорошим инструментом проверки знаний. При этом все три топоса могут использоваться и используются непосредственно при развитии научной мысли. Однако если для экзамена детализация полезна сама по себе, то для развития научной мысли полезна не всякая детализация, и легко можно найти случаи избыточного использования названных топосов, оправданного лишь в смысле соответствия жанру, но не в смысле развития мысли. Такими примерами изобилуют авторефераты диссертаций.

Начнем с обычного многословия, с классической амплификации («расширения»), как ее понимает риторика [3, с. 333]. В авторефератах она проявляется в аномально длинных фразах с избыточными пассажами, причем если риторическая амплификация служит всяческому подчеркиванию главной мысли, то «диссертационная амплификация», напротив, топит главную мысль в многословии. Иными словами, она контрпродуктивна для обсуждения научных проблем.

В словаре по культуре русской речи в качестве примера амплификации приводятся строки из «Мцыри», предшествующие описанию боя с барсом: «Мелькнула тень, и двух огней/ Промчались искры.. и потом/ Какой-то зверь одним прыжком/ Из чащи

выскочил и лег,/ Играя, навзничь на песок. / То был пустыни вечный гость – / Могучий барс...» [4, с. 41]. Как видим, слово «барс» возникает не сразу, ему предшествует нагнетание слов с более широким значением («тень», «зверь»), а также перифраза «пустыни мрачный гость». Это нагнетание, формально избыточное в содержательном смысле, фокусирует мысль на главном образе – барсе.

Иную картину видим мы в авторефератах. Например: «В работе [не называю ее из этических соображений. – Г.Х.] использованы *методы* дефиниционного анализа словарных толкований ключевого вербализатора анализируемого концепта – лексемы «Х»; компонентного анализа семантики лексем, вербализующих исследуемый концепт, что дает возможность выявить дифференциальные признаки концепта Х при сопоставлении лексем, принадлежащих к одному синонимическому ряду; контент-анализа художественных, публицистических научных текстов, в которых актуализируется концепт Х, что позволяет моделировать закономерности репрезентации его содержания, методы частного анализа и количественного подсчета для определения частотности вербализации областей исследуемого концепта, а также методики фреймового и метафорического моделирования». Слово «методы» выделено курсивом, но вся структура предложения с избыточными компонентами работает не на прояснение, а на затруднение вычленения самих методов, в частности, первого метода, который, выражаясь простым языком, состоит в анализе словарных определений.

Подобные амплификации оправданны только тогда, когда объектом мысли является сам стиль изложения, а не его содержание. Такова, например, древняя амплификация из «Моления Даниила Заточника»: «Вострубим убо, братие, аки в златокованную трубу в разум ума своего и начнем бити в серебряные органы во известие мудрости и ударим в бубны ума своего, поющее в бо-

говдохновенные свирели, да восплачутся в нас душеполезные помыслы». Даниил как раз и хотел показать князю свою книжность, умение выражаться по-ученому. Именно такова в функциональном отношении амплификация в квалификационных работах, избегающих ясного и простого изложения и предпочитающих «трубы златокованные», правда, без красоты стиля древнего автора. Можно обнаружить также родственность со средневековым стилем «плетения словес» (как часто в шутку характеризуют витиеватый стиль научной работы), но опять-таки за вычетом установки на красоту, орнаментальность [5, с. 218–220].

Однако без всяких иронических отсылок можно сформулировать важное для прояснения проблемы утверждение. Ситуация экзамена вызывает к жизни автореференцию, т.е. такую ситуацию, когда предметом речи является не только ее референт, но и сама речь. Это характерно для речи поэтической, когда в высшей степени значимо не только то, о чем говорится, но и то, как говорится. Стиль демонстрирует сам себя. В научной же речи такая демонстративность нефункциональна и никогда не описывалась как свойство этой речи. Между тем ситуация экзамена включает в себя момент демонстрации.

Топос «род и вид» – главный поставщик объема квалификационной работы. Допустим, можно сказать, что каждое новое предложение начинается с прописной буквы, а можно сказать, что новое предложение – повествовательное, вопросительное, побудительное, односоставное и т.п. – начинается с прописной буквы. Слово «каждое» можно раскрыть, перечисляя самые разные виды предложений, выделенные по самым разным основаниям. Это модель того, как топос «род и вид» может работать вхолостую. Например: «Речевое поведение дипломатов в публичном выступлении и интервью – это индивидуальное и стереотипное, автоматизированное в типичной ситуации

общения речевое поведение». За вычетом избыточности, образуемой конкретизацией сторон речевого поведения (всякого), фраза превращается в тождество: «Речевое поведение есть речевое поведение».

Рассуждения с дефинициями – важная составляющая научной коммуникации. Но, во-первых, легко представить себе избыточную дефиницию. Такие дефиниции постоянно давал полковник Циллергут, персонаж Гашека: «Знаете вы, что такое мостовая? Мостовая – это...». Во-вторых, сопоставительный анализ дефиниций далеко не всегда необходим для получения оригинальных выводов. Однако производить его, обладая минимумом здравого смысла, достаточно легко, и он производится даже тогда, когда из него не выводится вообще никаких импликаций.

Топос «пример» – самый невинный из того, что обеспечивает объем, ибо пример – это эмпирический материал, и он так или иначе отражает связь работы с реальной жизнью. Но и здесь возможны явные злоупотребления терпением читателя и его усилиями по поиску новой информации. Это особенно проявляется, когда материал языковедческих исследований, не представляя собой каких-то труднодоступных источников, очерчен неопределенно. При этом для работ последнего времени характерно квазилогическое обоснование репрезентативности. Например: «Материалом послужили контексты X, взятые из произведений классической и современной английской прозы и поэзии XIX–XXI вв., публицистических текстов, текстов, принадлежащих научному (терминологически насыщенному) дискурсу, отобранные методом сплошной выборки». Возникает вопрос: что дает в плане репрезентативности «метод сплошной выборки» при столь расплывчатой характеристике материала? По сути дела, перед нами манипулятивное высказывание, подводющее нас к неверному выводу о неслучайном выборе на основе употребления термина, который в данном контексте

сте лишается смысла. Представьте себе высказывание: «Мы обработали *все* бюллетени граждан, чьи фамилии начинаются на «К», «О» и «Т», а также проживающих на пятом этаже».

Банальность как коммуникативная ценность

Банальность тоже косвенно работает на объем, но о ней следует поговорить особо, потому что увлечение банальностями отрицательно влияет на структуру работ, прежде всего – на логику развития мысли. Применительно же к ситуации экзамена само понятие банальности теряет смысл. Когда проверяют знание таблицы умножения, не ожидают оригинального ответа. Соискатель так или иначе должен знать азы своей науки и, если так можно выразиться, крылатые слова модной научной парадигмы – частотные цитаты из работ ведущих специалистов. Пожалуй, именно в отношении банальности и оригинальности средства решения двух рассматриваемых здесь задач расходятся максимальным образом.

Конечно, на это можно возразить, что в автореферате присутствуют специальные рубрики, посвященные проблеме новизны и значимости работы. Но это возражение для тех, кто слабо знаком с узусом защит. Формулировка новизны во многих случаях тождественна формулировке темы с добавлением наречий «комплексно» и «многоаспектно».

Теоретическая и особенно практическая значимость, во всяком случае в работах по специальности «Теория языка», довольно часто формулируется по модели логической уловки «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Работа АВС значима потому, что ее данные можно применить при чтении спецкурса АВС.

Необходимость соблюдения лояльности к расхожим штампам научной мысли заставляет соискателя отклоняться от темы, можно сказать, приучает отклоняться от темы. Причем если в пределах главы дви-

жение мысли непрямым путем может быть сгруппировано в историю вопроса, литературный обзор и прочие приемлемые и даже полезные микрожанры, то в пределах абзаца или тем более одного предложения это может привести к путанице, так как нарушается принцип выдвижения, ускоряющий декодирование любого текста [6].

Ярким примером служит следующее предложение, заключающее в себе четыре банальные истины и вместе с тем содержащее алогизм ввиду неправильного их соединения. На первый взгляд, оно выглядит вполне обычно: «Анализ динамического существования науки актуален, весьма сложен и требует выработки целостной системы критериев для определения оправданности одних языковых изменений в тот или иной исторический период и недопустимости других». Итак, анализировать изменения в науке актуально; анализировать их сложно; изменения в языке бывают как оправданными, так и неоправданными; необходимы критерии для установления оправданности или неоправданности. Все это тривиально. Спрашивается, однако, в каком смысле анализ динамики самой науки требует критериев для анализа процессов, изучаемых наукой? Смешение двух аспектов – метааспекта и обычного – вообще достаточно типичный алогизм, возникающий в работах на почве праздных рассуждений.

Что же касается банальности выводов, особенно характерной для положений, выносимых на защиту, то она чаще всего камуфлируется мудреным слогом, о котором пойдет речь ниже.

Мудренность как коммуникативная ценность

Мудренность, наукообразность – это то, что обычно подмечает внешний, далекий от науки наблюдатель, не понимающий, что употребление специальных терминов необходимо уже потому, что термины где-то за пределами текста имеют строгую дефиницию и это позволяет ученым однозначно

понимать друг друга и обращаться к дефиниции в спорных случаях (так называемая арбитражная функция термина). Но когда нарочитую усложненность выражения подмечают сами люди науки, это уже другой случай.

Лептология [7, с. 1019], гонгоризм [8, с. 182–183], особый слог для посвященных, развивается уже не в логике науки, а в логике этих «посвященных», жрецов. Термин и необычная для бытового языка идиоматика имеют здесь иную функцию, для которой дефиниция и однозначное понимание не критичны. Речь идет лишь об особом умении выражаться сложным и темным языком как о признаке принадлежности к определенной касте и о признаке лояльности по отношению к этой касте. Надо сказать, что в норме подобная компетенция не всегда востребована даже в ситуации экзамена. Однако если вспомнить экзамены по общественным дисциплинам в советском вузе, когда лояльность идиомам и цитатам была залогом успеха, мы получим один из примеров востребованности лептологической практики.

Но мудреность слога – это не только кастовый знак, это верный способ камуфлировать отсутствие мысли. Хуже же всего то, что под сенью темного слога сплошь и рядом скрываются алогизмы. Наукообразный слог со сложным синтаксисом и обилием полутерминологических идиом усыпляет способность критического восприятия текста. Привожу целиком следующее положение, выносимое на защиту: «В системе критериев многомерной классификации концептов феномен «власть» имеет следующие характеристики: в плане отражения объектов окружающего мира он относится к абстрактным концептам; с точки зрения связи с первичным опытом и знаниями личности – к базовым; в соответствии с «областями бытования» – к концептам, функционирующим одновременно во многих сферах общественного сознания, фиксируемых в научном дискурсе, доминирующими

среди которых являются политика, экономика, социология, психология и философия; по способу вербализации – к концептам, которые могут быть репрезентированы языковыми единицами разных уровней (лексических, фразеологических, синтаксических); в зависимости от носителей – к универсальным концептам, способным иметь национальную, групповую или индивидуальную окраску; в структурном аспекте – к многоуровневым, так как в нем выделяется ядро, приядерная зона и периферийная зона (ближняя и дальняя)».

Пусть читатель самостоятельно решает, можно ли было сформулировать эти выводы, ничего не исследуя, а лишь исходя из здравого смысла, и можно ли тем или иным образом воспользоваться данными положениями. Автор статьи, работающий в области политической риторики и как теоретик, и как практик, имеет на этот счет достаточно суровое мнение.

Что можно сделать?

Итак, необходимость получить сертификат тренирует навыки, релевантные именно для решения квалификационных задач, но контрпродуктивные для решения задач научных. Эти навыки сказываются на качестве научных публикаций и, если говорить в целом, действуют как разрушительный фактор, сдвигающий научный дискурс в сторону имитационной деятельности. Не надо быть большим ученым, чтобы понять: ужесточение формальных критериев может стать лишь катализатором этого процесса. Что же все-таки можно сделать?

Нигде нет такого количества вторичных жанров, как в науке: рефераты, аннотации, конспекты, рецензии, презентации и т.п. Все эти жанры дают хороший шанс на то, чтобы снять названные выше отрицательные эффекты или чтобы компенсировать их. Но для того, чтобы они заработали в этом качестве, нужно одно – гетерогенность стиля вторичного жанра по отношению к жанру первичному. Коротко говоря: умей

пересказать написанное на языке своей науки на каком-нибудь другом языке.

Не обо всем можно рассказать простым языком, однако количество таких неперевоаемых научных истин, особенно в гуманитаристике, значительно преувеличено. Если нельзя простым, доступным любому культурному человеку языком отреферировать или законспектировать некий текст, это может быть сигналом неблагополучия: что-то не так. На наш взгляд, любой текст можно аннотировать таким языком, чтобы так или иначе дать понять, в чем состоит его новизна или значимость. Подобные рубрики, по возможности и положения, выносимые на защиту, а также описание основной гипотезы работы полезно презентовать в ином коммуникативном стиле, где краткость и прозрачность признаются как высшая коммуникативная ценность. Опыт работы с рефератами показывает, что очень многое тогда станет на свои места. Подобные презентации на доступном по возможности языке могли бы образовать банк идей, с которыми было бы легко оперировать. Особенно полезно это было бы для тех, кто работает в смежной области. Речь, таким образом, идет об автореферате с совершенно определенной прагматикой – сделать информацию о новой работе доступной. На практике это может быть частью традиционного реферата, написанной популярным языком. Для соискателя это было бы хорошим способом самоконтроля и возможностью приобретения важных компетенций. Не случайно лучшие популя-

ризаторы науки – большие ученые, решающие сложные, «недетские» проблемы в своей области.

И второе – можно попытаться максимально освободить диссертационные сочинения от задач экзамена, добавив к кандидатскому экзамену какую-нибудь письменную форму вроде эссе по тематике диссертации. Это, конечно, более затратный путь, требующий существенной перегруппировки сил. Однако, так или иначе, что-то делать надо, ибо, если оставить текущее положение дел, наука может оказаться погребенной под слоем спама.

Литература

1. Хазагеров Г.Г. Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс // Социологический журнал. 2010. № 3.
2. Матвеева Т.В. Лаконичность // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.
3. Волков А.А. Курс русской риторики. М., 2001.
4. Сквородников А.А. Амплификация // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.
5. История русской литературы X–XVII веков / Под ред. Д.С. Лихачева. М., 1980.
6. Арнольд И.В. Стилистика декодирования как прагматическая стилистика // И.В. Арнольд Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб., 1999.
7. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 1.
8. Смирнова М.Б. Гонгоризм // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.

KHAZAGEROV G.G. COUNTERPRODUCTIVE COMPETENCES

The article discusses the question concerning the competences and strategies for adequate description of the research results and for qualifying work writing. Compliance with the formal requirements increasingly prevails over consideration and solving of scientific and research problems. Very often, academes is a camouflage of scientific commonplace. The author suggests the way to prevent dysfunction of scientific discourse.

Key words: thesis, scientific style, qualifying work and the seeker's tasks, academes, scientific discourse dysfunction, scientific spam.

